

*Беличенко О. Л.,**доктор наук по социальным коммуникациям,
профессор кафедры украинского языка и литературы
Донбасского государственного педагогического университета*

ВОСПОМИНАНИЯ КНЯЖНЫ Е. МЕЩЕРСКОЙ В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена Екатерине Мещерской – писательнице-мемуаристке из рода Мещерских, творчество которой остается малоисследованным в силу ее дворянского происхождения. Автор подчеркивает уникальность многих тем, разрабатываемых писательницей. Мемуаристка в своем творчестве проявила повышенное внимание к темам любви, повседневного быта, взаимоотношений мужчины и женщины. Целью статьи является освещение жизни и творчества замечательной благородной женщины.

Ключевые слова: русская литература, мемуары, женская мемуаристика.

Постановка проблемы. Автобиографическая память – сущностное свойство человека, она присутствовала в нем во все времена. Человек не просто помнит свое прошлое, – он не может без этой памяти осознавать себя как личность. Изучая становление жанров автобиографии и мемуаров, Г.Г. Елизаветина подчеркивала неоднородность художественно написанных мемуаров, утверждая, что они являются достаточно сложным объединением жанровых форм: автобиографии, очерка, мемуаров, писем, публицистических статей, представляя собой единое целое [2]. Автор называет художественные мемуары мемуарно-автобиографическими произведениями, подчеркивая таким образом многоаспектность повествования.

Эти произведения охватывают не столько социальную, сколько общепсихологическую проблематику, специфическое понимание личности, художественную картину мира, размышления о судьбе поколений. Линией, которая объединяет «историю общества» и «историю Я», в этих произведениях выступает тема человека и личности. Многие тексты написаны на склоне лет людьми, жизнь которых принадлежала ушедшему столетию, именно дух и воззрения которого они стремились отразить и сохранить.

Генетическая и функциональная особенность мемуаров проявляется в незримом присутствии в них «исторического момента», в ощущении сопричастности автора микро- и макрособытиям исторического и частного времени, в осознании ценности личного опыта, сохранившего, благодаря его духовному труду, следы «пассионарности» уходящей повседневности. Информационный потенциал мемуаров, помимо личности их создателя, зависит от таких обстоятельств, как адресное назначение и способ фиксации смыслов культуры во времени.

Как феномены трансцендентной культуры, литературные произведения или их сюжеты, мотивы, образы обладают способностью к возрождению после периодов забвения, духовно обогащая поэтику «текста-чтения». Пребывая до поры в «подполье», литературный текст, повинувшись ветрам «нового мышления», воскресает из небытия, чтобы выполнить свою историческую миссию – быть свидетелем эпохи,

социальным документом, открывающим тенденцию через художественную деталь. Рождение текстов литературной культуры, их умирание – результат не только простого заимствования сюжетов и образов ушедших культур, но и движения смыслов литературной культуры как неких мировоззренческих констант.

Возникая из повседневной ауры, литературные тексты вбирают в себя осколки неофициальной картины мира, являя собой духовный опыт повседневного переживания времени их авторов и потенциальной читательской аудитории. Рожденные волей автора литературные смыслы-образы по различным коммуникационным каналам доходят до своего потребителя, интерпретируются им в соответствии с его реципиентным «горизонтом», а затем снова возвращаются в повседневность в мыслях, настроениях, психологических установках, поступках и деятельности людей, формируя новую культурную среду.

В XX веке в России трижды менялось государственное и политическое устройство, и каждый раз – «на костях» народа. Но мы не поймем народную трагедию, опираясь лишь на факты, которые хоть и «упрямая вещь», но слишком сухи, сплошь и рядом искажаются и запрятаны в секретные архивы. История народа принадлежит поэту, считал А. С. Пушкин. Лишь художественная литература, выражающая дух народа – его могущество и бессилие, мудрость и слепоту, – раскрывает суть тупиков истории.

Женские мемуары получили широкое распространение в России во второй половине XIX в. Женские дневники, письма, воспоминания, исповеди, записки, автобиографии представляют собой яркую страницу в истории формирования женского самосознания, дают возможность понять, что думали о себе сами женщины. В мемуаристике А.Н. Энгельгардт, Е.Н. Водовозовой, Л.П. Шелгуновой, А.Я. Панаевой, М.К. Цибриковой, Е.И. Жуковской, С.В. Ковалевской, Е.А. Штакеншнейдер, Е.И. Конради, А.П. Суловой и других отражена история движения за женскую эмансипацию, воссоздается история создания женских обществ, артелей, коммун, особенности дворянского воспитания. Эти выдающиеся писательницы и общественные деятельницы показывают трудный путь русской женщины к образованию, труду. О собственном, порой трудном жизненном пути они пишут подробно, искренне и правдиво.

Анализ последних исследований и публикаций. Нужно отметить, что из мемуаров, написанных до 1917 г., издавались до недавнего времени только те, в которых освещались политические события, портреты общественных деятелей. Это воспоминания Е.Н. Водовозовой, С.В. Ковалевской, А.Я. Панаевой [1; 4; 7]. Лишь в последнее время наметилась тенденция к «возвращению» тех женских воспоминаний, в которых воспроизводится частная жизнь, быт, атмосфера учебных заведений того времени.

Исследования, посвященные содержательной стороне женской мемуаристики, стали появляться только в последнее время. Среди них можно выделить работы Т. Клаймен, П. Пожевски, Н. Пушкаревой, А. Улюры [3; 8; 9].

Произведения мемуаристок ценны и значимы не только тем, что в них отражен «дух времени», запечатлены события литературной и общественной жизни, портреты художников, актеров, политических и литературных деятелей. Они интересны и сугубо «личностным началом», поскольку в них авторы-женщины обобщают опыт собственной жизни, подробно воспроизводят свою автобиографию, отражают процесс формирования собственного мировоззрения. Важным является и то, что в подобных произведениях отражены особенности мировосприятия женщин. У читателей мемуарных произведения имеется возможность хоть «краешком глаза» наблюдать женщину «изнутри».

Чтобы протянуть духовную нить в наше прошлое, нужно понять, ощутить, как переживали события XIX – XX вв. русские женщины. Крайне интересны их мнения о современности, их идеи, эмоции, размышления, оттенки чувств, которые наименьшим образом задевали мужскую критику, признающую женскую эмоциональность и экспрессивность излишней в серьезной мемуаристике.

Заслуживают внимания сравнительно недавно вышедшие воспоминания Е.А. Мещерской [6]. В силу своего происхождения урожденная княжна Мещерская прошла через ад многочисленных арестов и лишений, но в ее воспоминаниях перед читателем предстает сильная духом женщина, превыше всего ценящая поэзию и радость жизни, благородство и любовь.

Целью нашей статьи является исследование жизни и творчества этой замечательной благородной женщины.

Изложение основного материала. Княжна Екатерина Александровна Мещерская (1904–1994) – писательница-мемуаристка из рода Мещерских. Ее отцом был князь Александр Васильевич Мещерский (1822–1905) – офицер лейб-гвардии Гусарского полка, шталмейстер Императорского двора. Отец Е.А. Мещерской первым браком был женат на Елизавете Сергеевне Строгановой и имел от нее единственную дочь Наталью (Лили). Родившись в годы царствования Александра I, отец проходил военную службу в лейб-гвардии гусарском полку при Николае I, а затем не снимал военного мундира при Александре II, Александре III, участвуя во всех войнах, которые вела Россия со своими врагами. Имея бесконечное количество орденов (в том числе и самый высший – орден Андрея Первозванного), как царский сановник он имел чин шталмейстера двора и входил в кабинет государя без всякого доклада (таковым было право шталмейстера). Мать – Екатерина Прокофьевна Подборская-Сморчевская (1870–1945) – дочь военного доктора, генерал-майора, выходца из обедневшего польского дворянского рода. Она была одного возраста с его старшей внучкой и была на сорок восемь лет его моложе. Жениться на ней он смог только тайно, чтобы затем уже поставить всех перед совершившимся фактом. По своему положению и чину жениться без согласия государя он не имел права, а тот, конечно, этого брака не допустил бы. На свадьбе был самый узкий круг друзей и близких. Венчались ночью, при закрытых дверях, в Замоскворечье, в военном храме при Александровских казармах – для того, чтобы тут же оставить Москву и навсегда переселиться в Украину в полтавский дворец.

Екатерина Прокофьевна окончила филармонию в Москве, у одного профессора с Леонидом Витальевичем Собиновым, на

выпускном экзамене пела с ним сцену рассвета на балконе из оперы «Ромео и Джульетта», затем дебютировала в Милане на сцене «Ла Скала».

До событий 1917 г. Екатерина Мещерская училась в Московском дворянском институте. После революции советской властью были конфискованы все имения Мещерских (два дворца в Подмоскovie и один в Полтавской губернии) и квартира на Поварской улице. Е.А. Мещерская и ее мать были лишены права на труд и выселены из Москвы; были подвергнуты обыскам, арестам, содержались в Таганской, Новинской и Бутырской тюрьмах.

В конце 1919 года в Рублево им была предоставлена работа – мать стала работать заведующей столовой водопроводной станции, а Катя спустя некоторое время стала преподавать музыку в местной школе.

В 1920 году они вернулись в Москву; мать в Москве прошла экспертизу профсоюза работников искусств и получила членский билет педагога-вокалиста. Мать и дочь поселили в их уже сильно уплотненной квартире на Поварской.

Е.А. Мещерская оставила очень интересные воспоминания о своей жизни, написанные хорошим литературным языком. Они были изданы в России и за рубежом. Основными произведениями стали «Отец и мать», «Детство золотое», «Годы учения», «Конец Шехерезады», «Рублево», «Змея», «История одного замужества», «История одной картины», «Однажды».

Екатерина Александровна умерла в 1994 г. и была похоронена на Введенском (Немецком) кладбище в Москве, рядом с матерью Е.П. Мещерской и мужем И.С. Богдановичем.

Мемуаристка в своем творчестве проявила повышенное внимание к темам любви, повседневного быта, взаимоотношению мужчины и женщины. Многие темы, разрабатываемые писательницей, уникальны по своему содержанию.

Воспоминания Е. Мещерской обладают целым рядом специфических художественных примет. Мемуаристка стремилась к изучению и показу «мелочей жизни», подробному, детализированному описанию обстановки и быта: *«Из первых ощущений ясно помню приятное прикосновение мягкого бархата к моему подбородку и к моим локтям. То был красный бархат длинных скамеек, тянувшихся вдоль стен бального зала. Мне хочется пересчитать их все моим подбородком, но я слышу строгий окрик. Кто-то тянет меня за руку, отвлекая от такого занятия [6, с. 202].*

Мемуаристики, как и романистки, воссоздавали на страницах своих произведений многие неизвестные в мужском дискурсе эпизоды из жизни женщин. Свидетелями и участниками чего не могли стать мужчины и, вследствие этого, о чем они не имели возможности написать? Прежде всего, они не могли пережить и описать различные «состояния женского тела». Такие состояния мужчинам либо не близки (замужество, беременность), либо непопулярны в мужском дискурсе (страх, боль). Брат Екатерины Мещерской Вячеслав учил маленькую девочку: *«Если хочешь, чтобы я тебя любил и считал своей сестрой, будь смелой. Запомни: постыднее трусости нет. Жаль, что мы не дошли до обсерватории, но ничего...зато сегодня было твое первое испытание на храбрость» [6, с. 204].*

Так, для воспроизведения, например, материнской сути нужен не только художественный талант, но и определенный опыт, материнское мышление. О женщине-матери чаще писали мужчины, которые не могли достоверно отразить различные частности и подробности женской психологии. В XIX в. тради-

ционним и общепринятым являлось мнение о функциях женщины-матери как обязательных, естественных и беспроблемных. Женщины-писательницы, мемуаристки, обратившиеся к этой проблеме, пошатнули подобные представления.

Следует заметить, что как для женщин в мужской жизни есть закрытые и малопонятные темы (например, тема военной карьеры или службы в армии), так и для мужчин существует немало «белых пятен» в переживаниях женщин, в женском видении мира.

Именно женщины в своих воспоминаниях (Л.А. Ожигина, Е.И. Жуковская, А.Н. Энгельгардт) воспроизводили особенности женской профессиональной деятельности (некоторые ее виды во второй половине XIX в. были свойственны преимущественно женщинам – например, труд няни, швеи, гувернантки). Екатерина Мещерская писала в своих воспоминаниях: *«Я была поражена картиной, которая представилась моим глазам в то утро, когда я с любопытством просунула голову в полуоткрытую дверь кухни, желая взглянуть на мать. Там среди непрерывного шума, напоминавшего гул в бане, в сырости, в парах, в невыносимом чаду и ужасающей жаре около котлов начала моя мать свою трудовую жизнь»* [6, с. 215].

У женщин – авторов мемуарных произведений подчеркнута женская самоидентификация. Они по преимуществу не являлись историческими деятельницами, важными чиновниками, известными политиками, героическими личностями. Реальные социальные обстоятельства ограничивали жизнь большинства женщин. Их социальный статус был иным, они не были причастны в такой мере, как мужчины, к общественной, политической жизни, поэтому не могли репрезентовать себя как деятели этих сфер. Мужчины-мемуаристы чаще писали на профессиональные, философские, исторические темы. Практически отсутствует женская мемуаристика о внешнеполитической деятельности России и женская военная мемуаристика, хотя следует упомянуть «Записки кавалерист-девицы» Н. Дуровой, участвовавшей в военных действиях русской армии во время Отечественной войны 1812 г. Однако эти записки очень мало напоминают мужской текст, поскольку, как это ни парадоксально, в повествовании о военных событиях отсутствует героика, а преобладает изображение повседневной жизни, с ее мелочами и подробностями.

Женщинам-мемуаристкам в меньшей степени свойственно стремление представить свой опыт как образцовый, единственно правильный. В женских мемуарных текстах отсутствует назидательность, широта исторического охвата, и в этих «женских слабостях» отражается их прелесть и значимость. Екатерина Александровна писала: *«Многие из аристократов замкнулись в себе, озлобились, отгородились от всего и от всех. Они продавали на черном рынке из-под полы свои драгоценности, не думая, на сколько этого хватит... И несколькими годами позже, продав последнее, неряшливые, грязные, опустившиеся, они стояли в Столешниковом переулке и на прекрасном французском просили милостыню. Это зрелище было постыдным и отвратительным. Так обнажалось человеческое нутро»* [6, с. 205].

Повседневная жизнь, традиционно считающаяся сферой деятельности женщин, редко оказывается в поле зрения мужчин-мемуаристов. Они чаще акцентируют свое внимание на важных, глобальных, с их точки зрения, исторических событиях, экстремальных ситуациях, многие страницы их произведений посвящены выдающимся личностям. Быт в их произве-

дениях чаще выступает лишь только фоном для изображения героического лица.

В женских текстах зафиксированы обыденные понятия и способы понимания мира, которые чаще всего не представляют интереса для мужчин. Повествование о частной жизни, повседневном быте, детях, семье всегда более интересно, эмоционально и живо в женских воспоминаниях, автобиографиях, записках, нежели в мужских, поскольку женщины изображают свою сферу жизни, близкую и понятную им. Екатерина Мещерская вспоминала о жизни в имении: *«По всей середине стола на белой скатерти тянулись длинные хрустальные вазы с сырым песком. В них стояли только что срезанные левкои, резеда, розы всех сортов. Перебегая от стула к стулу, прочитывала карточки с золотым обрезом, на которых написаны имена и фамилии гостей...»* [6, с. 211]. Следует отметить, что сфера женской мемуаристики в 60-80-х гг. XIX в. начинает охватывать не только спектр частной, семейной жизни, но и такие спектры, как культурная, общественная, политическая жизнь.

Однако даже в мемуаристике женщин – общественных, научных и культурных деятелей, ставящих своей задачей изображение ломки старых и зарождение новых отношений, борьбы идей, всегда находилось место и для вопросов частной жизни. В силу своей природы женщины не забывали о приземленном быте, семейных отношениях, мелочах жизни. Екатерина Мещерская писала в своих воспоминаниях: *«...дворец был предназначен для балов и больших приемов. На первом этаже – бальный зал, наверху его в виде длинной ложи – балкон для оркестра. Внизу вокруг бального зала в комнатах помещались музей и архив Мещерских. Нас, детей, больше всего в музее занимали два экспоната: клык мамонта, найденный когда-то на том месте, где впоследствии построили дворец, и под высоким хрустальным колпаком на подушке из темно-малинового бархата скульптура из бронзы – ножка цыганки-плясуньи Настю. В Настю без памяти влюбился, выкупил из табора и с ней обвенчался брат нашего отца – Иван Васильевич Мещерский. Он был вынужден покинуть лейб-гвардии конный полк, в котором служил»* [6, с. 217].

Женский художественный стиль характеризуется изобилием деталей, подробностей. В воспоминаниях мемуаристок как семейные, так и общественные отношения между людьми рассматриваются путем перечисления и осмысления подробностей повседневной жизни. Екатерина Мещерская писала: *«Чайник наш не только привлек к себе всеобщее внимание, но и вызвал явное неодобрение. Мы захватили его впопыхах, когда нас выселяли, потому что другого у нас не было под руками. Когда-то он возглавлял тот серебряный сервиз Мещерских, который, по семейным традициям, подавали только один-единственный раз: молодоженам в первое утро после свадьбы. Причудливый, в стиле рококо, в изящных завитках, с выпуклыми фантастическими растениями и цветами, с медальоном, по которому летали два беспечных амура, чайник таил в себе какую-то помпезность, праздничность и будил воспоминания об ушедшей роскоши, о «ничегонеделанье»...»* [6, с. 214].

Женщины-авторы документируют собственный опыт, «разбирая» бытовые отношения. Даже если задачей мемуаристки было изображение портрета общественного, политического, литературного деятеля, он изображается, как правило, сквозь призму бытовых и межличностных отношений.

Женщины в воспоминаниях и автобиографиях редко скрывали свои личные симпатии и антипатии, субъективные оценки. Их комментарии отличались, как правило, особой эмоциональностью. И мемуаристкам, и писательницам свойственна особая искренность. Екатерина Александровна писала: *«Дядя отца, Петр Васильевич Мещерский, был женат на дочери историка Карамзина. Это была та Екатерина Николаевна Мещерская, которой Пушкин посвятил свое стихотворение «Акафист». Она была его большим другом и впоследствии описала похороны поэта. Были в архиве и несколько писем Лермонтова моему отцу, а также листок с написанным рукой поэта стихотворением «Скажи мне, ветка Палестины...». Сбоку на листке, как это любил делать Лермонтов, – нарисованная им ветвь, похожая на пальмовую. Чернила этого листка выцвели, порыжели...»* [6, с. 217].

Не существует неперсонифицированного детства, оно всегда «чье-то», оно локализовано в определенном времени и в определенной культуре. История семьи, судьба, ее собственное воспитание и обучение оказались в текстах мемуаристики на первом плане, она является предметом особого внимания и размышления. Собственно, речь шла о внешнем воздействии взрослых на маленького человека, и от того, сколь правильно и умело оно было произведено, зависела его дальнейшая жизнь. Судьба каждого ребенка – определенный педагогический эксперимент, о результате которого может лучше всех судить сам подросший автор. Екатерина Александровна вспоминала: *«Лишившись последнего крова, мы оказались на улице, не зная, куда идти, мать держала в одной руке небольшой узел с несколькими вещами, в другой – цинковый сундучок с драгоценностями, а я обеими руками прижимала к груди толстые папки маминых и моих нот... Это был мой мир, эти маленькие черненькие кружочки нот, напечатанные на пяти линейках. Я могла, смотря на них, слышать музыку, и это было мое царство. Его нельзя было у меня ни реквизиовать, ни национализировать»* [6, с. 209].

Среди сословий русского общества дворянство выделялось своей отчетливой ориентацией на некий умозрительный идеал. В прошлом веке еще встречались люди, поражающие нас и сегодня почти неправдоподобной честностью, благородством, тонкостью чувств. Литературные описания передают их особенное, забытое обаяние, которому современники уже не в силах даже подражать. Они выросли такими не только благодаря незаурядным личным качествам, но и благодаря особому воспитанию. Важно сохранить этот опыт, его зафиксировать, чтобы дать пищу для размышлений будущим поколениям. Екатерина Александровна писала: *«Однажды, видя через окно, что она идет домой, я бросилась к двери и приоткрыла ее, но, взглянув на мать, тотчас закрыла. Не веря себе, я продолжала смотреть теперь на мать из засады сквозь маленькую щель. Она поднималась по ступеням лестницы словно на ощупь, не видя ничего перед собой. Ее тонкие пальцы скользили по перилам, и она шла вверх с открытыми, но ничего не видящими глазами, будто сомнамбула. Это оцепенение походило на сон с открытыми глазами или на состояние транса. Какие картины, какие воспоминания проходили в эти минуты перед ее внутренним зрением?... Закрыв дверь, я отошла от нее с сильно бьющимся сердцем. Мне казалось, я поступила дурно – подсмотрела что-то недозволенное...»* [6, с. 218].

При этом необходимо иметь в виду, что «дворянское воспитание» – это не педагогическая система. Это, прежде всего,

образ жизни, стиль поведения, усваиваемый отчасти сознательно, отчасти – бессознательно, путем привычки и подражания. Это традиция, которую не обсуждают, а соблюдают. Это принципы, которые реально проявлялись в быте, поведении, живом общении.

Насколько мы можем судить по мемуарам, дворянство сумело сохранить значительную часть своих семейных традиций вплоть до последних лет существования царской России, хотя в наиболее чистом, классическом виде они представлены в конце XVIII – первой половине XIX века.

Отношение к детям в дворянской семье с сегодняшних позиций может показаться излишне строгим, даже жестоким. Высокий уровень требовательности определялся тем, что воспитание ребенка было строго ориентировано на норму, зафиксированную в традиции.

В воспоминаниях Е. Мещерской описывается, как после революции 1917 года они с матерью поселились в рабочем поселке, где княгиня устроилась на работу поварихой. В первую ночь им пришлось спать на голом полу, подложив под голову доски. Девочка почти не спала и к тому же занозила себе ухо. Когда утром мать вытаскивала ей занозу, Катя громко расплакалась, даже не от боли, а *«от нашей нищеты, причины и смысл которой были мне не понятны, плакала потому, что наше будущее представлялось мне безнадежным»*. *«Я не знала, что у меня дочь такая плакса, – почти равнодушно сказала мать... Откуда такое малодушие? Чтобы я больше никогда не видела ни одной твоей слезы...»* [6, с. 121].

Этот пример отличает «силовое поле» этических требований, которые выводили любые проявления малодушия и слабости за рамки достойного поведения. Нравственный облик человека формировал не уровень материального благополучия, а уровень этических требований.

Идеи ушедшей эпохи господствовали, развивались, детализировались и подвергались сомнению вплоть до недавних времен. Постмодернизм сегодняшнего дня знаменует их кризис. Для многих стало очевидным, что «проект» освобождения человека через образование принес человечеству гораздо меньше, чем от него ожидалось.

Такое отношение к детству и к воспитанию оказалось совершенно противоположно тому, что стало привычно для советского общества 20-30-х годов. Оно по большей части приняло в штыки педагогические советы Руссо: *«Люди, будьте человечны, это ваш первый долг: будьте такими для всех состояний, для всех возрастов, для всего, что не чуждо человеку... Любите детство; поощряйте его игры, его забавы, его милый инстинкт. Кто из вас не сожалел об этом возрасте, когда на губах – вечный смех, а на душе – всегда мир?»* [5, с. 56–57].

Выводы. Итак, без воспоминаний Екатерины Мещерской невозможно представить полную картину развития общественной жизни и культуры русского общества. Писательница в своих воспоминаниях воспроизводит процесс самоопределения и самопознания. Их изучение корректирует наши представления как о пути русской образованной женщины к эмансипации, так и о специфических способах женского самовыражения.

Сказанным нами не исчерпываются дальнейшие перспективы изучения художественной специфики мемуаристики Е. Мещерской. Для исследователей малоизученного и полузабытого женского творчества открыто широкое поле деятельности, что и составит **перспективу** дальнейших исследований.

Література:

1. Водовозова Е.Н. На заре жизни / Е.Н. Водовозова. – М. : Художественная литература, 1987. – 527 с.
2. Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров / Г.Г. Елизаветина // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М., 1982. – С. 235–263.
3. Клаймен Т. Мемуары русских женщин второй половины XIX века / Т. Клаймен // Вестник Московского университета. – 2002. – № 6. – С. 104–114.
4. Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести / С.В. Ковалевская. – М. : Наука, 1986. – 570 с.
5. Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избр. ст.: В 3 т. Т. 2. – Таллинн, 1992. – С. 40–99.
6. Мещерская Е.А. Трудовое крещение / Е.А. Мещерская // Новый мир. – 1988. – № 4. – С. 198–242.
7. Панаева А.Я. Воспоминания / А.Я. Панаева. – М. : Захаров, 2002. – 488 с.
8. Pozefsky P.C. Science, and politics in the fiction of shestidesiatnitsy N.P.Suslova and S.V. Kovalevskaja / P.C. Pozefsky // The Russian review. – 1999. – Vol. 58. – № 3. – С. 361–379.
9. Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России / Н.Л. Пушкарева // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 62–69.
10. Улюра А.А. «Женское вторжение» в русской литературе и культуре XVIII века / А.А. Улюра. – К. : Наукова думка, 2001. – 176 с.

Біличенко О. Л. Спогади княжни К. Мещерської в російській жіночій мемуаристиці

Анотація. Стаття присвячена Катерині Мещерській – письменниці-мемуаристки з роду Мещерських, творчість якої залишається малодослідженою в силу її дворянського походження. Автор підкреслює унікальність багатьох тем, які розробляла письменниця. Мемуаристка у своїй творчості проявила підвищену увагу до тем кохання, повсякденного побуту, стосунків чоловіка і жінки. Метою статті є висвітлення життя і творчості чудової шляхетної жінки.

Ключові слова: російська література, мемуари, жіноча мемуаристика.

Bilychenko O. Memoirs of princess E. Mescherskaja in Russian female memoirs

Summary. The article is devoted to Catherine Mescherskaya – novelist-memoirist of the genus Meshchersky. Her creation is remains little studied by virtue of its aristocratic origins. The author emphasizes the uniqueness of the many topics to develop a writer. Memoirist in his work showed increased attention to the themes of love, everyday life, the relationship between men and women. The purpose of the article is life coverage and creativity of a beautiful noble woman.

Key words: Russian literature, memoirs, women's memoirs.